

НОВАЯ ТЕОРИЯ СОЗНАНИЯ И МИР ВНИЗ ГОЛОВОЙ: ОБЗОР КНИЖНЫХ НОВИНОК

ТАТЬЯНА СОЛОВЬЕВА
Литературный критик. Родилась в Москве, окончила Московский педагогический государственный университет. Автор ряда публикаций в толстых литературных журналах о современной

русской и зарубежной прозе. Руководила PR-отделом издательства «Вагриус», работала бренд-менеджером «Реданции Елены Шубиной». Главный редактор издательства «Альпина. Проза».

АНИЛ СЕТ, «БЫТЬ СОБОЙ. НОВАЯ ТЕОРИЯ СОЗНАНИЯ» («АЛЬПИНА НОН-ФИКШН»)

Научно-популярный труд нейробиолога Анила Сета о теории сознания. Автор ставит важный и сложный вопрос о том, как человек воспринимает окружающий мир и себя в нем. Ученый в значительной степени развивает идею Иммануила Канта о невозможности чистого знания и говорит о том, что человек воспринимает мир необъективно, а выстраивает его в бесконечном множестве прогнозов, которые делаются им на основе личного опыта и постоянно коррелируются. Без собственного сознательного опыта для человека не существует ни окружающего мира, ни даже его самого: не существует личности как таковой. Анил Сет пишет о нейронауке сознания, пытается объяснить связь внутренней вселенной субъективного опыта с биологическими и физическими процессами. По мнению автора, теория сознания должна объяснять, как различные его свойства соотносятся с операциями нейронных «биомощностей» в человеческом мозге.

«Каким-то образом в человеческом мозге совокупная деятельность миллиардов нейронов, каждый из которых представляет собой крошечный биологический механизм, порождает сознательный опыт, причем именно ваш, именно здесь, именно сейчас. Как это происходит? Почему у нас есть возможность проживать жизнь “от первого лица”?»

Когда-то в далеком детстве, в очередной раз глянув в зеркало в ванной, я вдруг отчетливо осознал, что мое ощущение в этот конкретный момент – ощущение себя собой – рано или поздно закончится и это “я” умрет. Мне было лет восемь или девять, так что воспоминание это, как и все детские воспоминания, нельзя назвать надежным. Но, возможно, тогда же я осознал и другое: если мое сознание прекратится, наверное, это как-то связано с “тестом”, из которого

я слеплен, то есть с физической материальностью моего тела и мозга. Очень может статься, что с тех самых пор я и бьюсь над загадкой сознания».

ЙОАВ БЛУМ, «ЧТО ДРУГИЕ ДУМАЮТ ВО МНЕ» («ИНОСТРАНКА»)

Четвертый роман автора бестселлера «Творцы совпадений». Главный герой новой книги не только телепат, то есть человек, способный слышать мысли других людей, но и эмпат: он испытывает чужие чувства и эмоции. В квартиру главного героя вламывается его старая знакомая и под дулом пистолета и с завязанными глазами привозит его на вечеринку, на которой с ним случается дампинг — передозировка чужих мыслей, которые неотделимы от его собственных. С вечеринки герой отправляется прямою в больницу, а из нее — в штаб читателей мыслей. Там он узнает не только то, что он не один такой, но и что всем читателям грозит смертельная опасность. Любопытно, что за последнее время появилось несколько книг, которые говорят о невозможности разделения личной памяти, личного сознания, и коллективного, данного нам Всемирной сетью. Здесь стоит вспомнить «Исландию» Александра Иличевского и «Гнездо синицы» Ромы Денабрева. Процесс этот весьма закономерен: интернет в целом и соцсети в частности оказывают на человеческое сознание не меньшее влияние, чем реальность первичная. А потому писатели все чаще задаются вопросом, как провести границу между частным и общим, между тем, что принадлежит лично и исключительно тебе, и тем, что сыплется на тебя нескончаемым потоком информации.

«Путаница происходит оттого, что все, включая меня, ошибочно называют этот процесс “чтением” вместо более точного определения “слышание мыслей” или “улавливание мыслей”.

Чтение — это действие, которое ты можешь совершать, а можешь не совершать. При чтении ты способен понять, что то, что в тебе звучит, — это не очередная твоя мысль, а слова, порожденные другим мозгом и вложенные в твою голову посредством органа зрения. Часть тебя при этом как бы смотрит со стороны и может определить: вот моя мысль, а вот мысль, которую я прочитал. Моя мысль — прочитанная мысль. Нет. В моем случае это работает не так.

Я не могу управлять степенью своего погружения в чужие мысли, не могу решать, чьи мысли и когда я буду слышать».

АУДУР АВА ОЛАФСДОТТИР, «ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ЖИВОТНОЕ» (POLYANDRIA NO AGE)

Еще один роман, поднимающий проблему личных воспоминаний и личных сонровищ. Того, что человек тщательно собирает и лелеет на протяжении собственной жизни и что зачастую оказывается никому не нужным после его смерти. Накануне Рождества и большого шторма в Исландии главная героиня Домхильд, унаследовавшая квартиру от двоюродной бабушки, находит бабушкины рукописи. В них — размышления о жизни, языке, человеческом предназначении и профессии. Домхильд, как и бабушка, анушерна. В исландском языке слово «анушерна» составлено из двух частей — «мать» и «свет». Профессия, которая помогает матерям произвести на свет своих детей, — больше чем профессия, это

призвание и служение. Она помнит каждого младенца, которого приняла, неудачные роды для нее — не просто статистина, но личные боль и страдание. Когда героиня читает обращенные к ней слова, что она продолжит дело бабушки, она поначалу воспринимает их буквально — как мысль о выборе профессии. Но чем больше она читает, тем яснее понимает, что мысль гораздо глубже: речь и о письме, и о квартире, и о жизни в целом. Жизни, которую героине еще только предстоит сделать полностью своей, нан и бабушнину квартиру.

«Когда я жила у двоюродной бабушки, она то и дело повторяла: представь себе, когда-то он был голым младенцем. Или: подумать только, когда-то она была голой малышкой. Повод мог быть разным, но вывод всегда один и тот же: прежде чем человек стал нападать на тех, кто придерживается иных взглядов, он пришел в этот мир совершенно голым; прежде чем принять все ошибочные решения в своей жизни, человек родился малышом ростом в пятьдесят сантиметров. Вопрос, однако, был не только в том, что случилось в промежутке, что сделало человека способным на жестокость по отношению к себе подобным, к природе и ко всем живым существам, но также и в том, почему одни искали красоту, а другие нет».

АНАТОЛИЙ НАЙМАН, «РУССКАЯ ПОЭМА» («АЛЬПИНА.ПРОЗА»)

Этот сборник литературоведческих эссе знаменитого поэта, прозаика, переводчика, литературного секретаря Анны Ахматовой Анатолия Генриховича Наймана впервые выходит книгой. В ней он рассуждает о жанре русской поэмы вообще, но делает это не просто на конкретных примерах: ему удалось, говоря о конкретных поэмах — «Медном всаднике», «Морозе, Красном Носе», «Облаке в штанах»

«Двенадцати» и «Поэме без героя», — сказать о поэме вообще. В предисловии он объясняет свой выбор этих пяти текстов (и предпосланной им «Душечке» Богдановича как самой важной поэмы допушкинской поры). Почему именно они оказываются наиболее показательными и репрезентативными. Дело вкуса? Несомненно. Однако таков весь текст Наймана — опирающийся на глубокие знания и большой опыт, он при том абсолютно лишен академической сухости и холодности, это живая, личная, поэтичная книга. Для Наймана анализируемые поэмы важны и интересны тем, что они меняются при каждом следующем их прочтении, они не остаются тождественными себе, даже тождественными в своей гениальности: они растут, но рост этот не бесконечен. Писатель рассматривает каждую поэму как отдельную Вселенную, не забывая о том, что у Вселенной есть границы и их нужно осознавать, чтобы не вчитывать в авторский текст того, что не имеет к нему отношения.

«Мне было 26 лет, и я писал первую свою поэму. Я тогда часто виделся с Ахматовой и читал ей написанное, и она кое-что об этом говорила. Мне казалось, что она это говорит о моей поэме. Года за два до того она дала мне прочесть, а потом подарила “Поэму без героя”. Она регулярно что-нибудь в ней меняла, дописывала, каждый раз уверяя читателей, что это “окончательный вариант”. О ней она меня, как и других, заставляла сказать что-то членораздельное и сама опять-таки говорила. И тогда мне казалось, что это мы разговариваем о “Поэме без героя”.

Еще мне казалось, что мы просто сидим и разговариваем или гуляем и разговариваем — о том, о сем, об этой поэме, о той. В разговоре я чувствовал себя уютно и, конечно, считал, что мы оба так себя чувствуем. Прошло еще несколько похожих лет, и она умерла. И как раз подошло, а лучше сказать, налегло время задумываться. Когда задумываешься, что-то начинаешь в уже известном замечать другое, прежде незамеченное. И от этого вдруг видишь, что и само известное — вовсе другое. Что да, Ахматова говорила о конкретной поэме (и всегда только о конкретной), но также и о поэме вообще. Что ах, жаль, не свернул наш разговор тогда-то вот в таком-то направлении. Но уж раз не свернул, то надо двигаться туда самому».

ДЖОРДЖ ОРУЭЛЛ, «ДОРОГА НА УИГАН-ПИРС» («РЕДАНЦИЯ ЕЛЕНА ШУБИНОЙ»)

Четыре автобиографические повести автора всемирно известных «1984» и «Скотного двора» с предисловием Вячеслава Недошивина — переводчина и специалиста по творчеству Оруэлла. Принцип, положенный в основу композиции цикла, самый логичный — хронологический. Первая повесть «Славно, славно мы резвились» — о школьных годах, написана как ответ на повесть однокашника Сирила Нонноли «Враги обещаний». Нонноли критикует систему образования в школе, но находит и положительные стороны, в то время как Оруэлл не оставляет на учебном заведении камня на камне, рассказывая о страшных воспитательных методах там. Поэтому «Славно, славно мы резвились» увидит свет только после смерти писателя, с измененным названием школы и именами героев, и в США, а не в Англии. «Фунты лиха в Париже и Лондоне» — история, ради которой писатель три года изучал городские трущобы, ночлежки и жизнь под городскими мостами. Это был сознательный дауншифтинг, служение литературе и обществу. И логичным продолжением этому

явилась третья повесть — «Дорога на Уиган-Пирс», повествующая об ужасной жизни горняков: нищете, безработице, голоде, страданиях. Надежда на возрождение и новую жизнь была связана с пирсом Уиган, который впоследствии оказался лишь красивой мечтой, легендой. Наконец, «Памяти Каталонии» — о гражданской войне в Испании, где писатель боролся с режимом Франко, «последней войне идеалистов», которая собрала десятки тысяч добровольцев из разных стран. Оруэлл пишет о том, что изнутри эта война выглядит совсем не так, как представляют ее средства массовой информации разных стран, и его цель — рассказать правду, которую замалчивали и правые, и левые. «Памяти Каталонии» называют сегодня «вторым рождением писателя», ибо она стала прологом, грозным анкордом к его финальному шедевру — «Скотному двору» и роману «1984», а ее автора тогда же называли Дон Нихотом XX века — за смелость встать во весь рост против любой несправедливости, за выбранную позицию и за «простую порядочность», которую он считал главным «масштабом цивилизации», пишет в предисловии Вячеслав Недошивин.

«— Вот мальчиш, — сообщила она странной леди, — который каждую ночь мочится в кровати. И знаешь, что я сделаю, если ты снова намочишь постель? — добавила она, повернувшись ко мне. — Дам задание команде шестых тебя отлупцевать.

— Да уж, придется! — потрясенно ахнув, воскликнула странная леди.

И здесь произошла одна из диких, бредовых путаниц, обычных в детской повседневности. «Командой шестых» в школе именовалась группа старшеклассников «с характером», а стало быть, с правами колотить мелюзгу. Я не подозревал еще об их существовании и с перепугу вместо «команда шестых» услышал «мадам Шестых», отнеся это к странной даме, сочтя ее именем».

НЕВИН УИЛСОН, «НЕ ВРЕМЯ ПАНИКОВАТЬ» (POLYANDRIA NO AGE)

Честный и увлекательный роман воспитания (или роман взросления — выделившийся не так давно поджанр, чуть сужающий временные рамки романа воспитания), герои которого — американские подростки Фрэнки, мечтающая стать писательницей, и Зени, который хочет быть художником. Ребята знакомятся и придумывают, говоря современным языком креативных индустрий, коллаборацию. Это планкат, который они создают вместе и расклеивают по городу, и он производит неожиданно громкий эффект. Завязка увлекательная, герои убедительные, а еще это отличная история о последнем поколении подростков предсмартфонной эры: маленький американский городок 1990-х. Жизнь вроде бы очень похожа на теперешнюю и вместе с тем совершенно другая, и возврат к ней уже невозможен. Невин Уилсон показывает, как подростки формировали свой внутренний мир, свои музыкальные, художественные и литературные вкусы в эпоху до вездесущего интернета, когда чтение и просмотр были во многом случайными, хаотичными, без повсеместных рекомендательных списков и модных статусов в соцсетях. Мы давно отвыкли от того, что поэт, писатель или художник могут быть больше чем поэт, писатель или художник. Уилсон напоминает нам о том, что искусство может быть очень мощной силой: как созидательной, так и разрушительной. А потому не надо недооценивать творческую молодежь.

«Странное дело, но в то время, как я начала свирепеть, Зеки стал менее мрачным и более спокойным. По его мнению, благодаря тому что как минимум еще один человек в Коулфилде расклеивает постеры, нам будет проще отрицать свою причастность. Если нас сцапают, мы можем прикинуться глупыми детишками, которые пытаются подражать тому, что где-то увидели. Мы ведь такие впечатлительные. Такие глупые. Такие отчаявшиеся. Мы просто хотим быть крутыми, потому что мы совсем некрутые, и вы же не станете звонить нашим родителям, господин полицейский?»

«Надо ли говорить, что меня это совершенно не заботило? Я такого не допущу».

ВИРДЖИНИЯ ПОСТРЕЛ, «НИТЬ ИСТОРИИ. КАК ПРЯЛНА, ВЕРЕТЕНО И ТНАЦНИЙ СТАНОК ПОМОГЛИ ПОСТРОИТЬ ЦИВИЛИЗАЦИЮ» («АЛЬПИНА НОН-ФИКШН»)

На редкость увлекательная книга на очень неожиданную тему: об одном из самых влиятельных товаров в истории человечества. В учебниках истории мы читали о пряностях, мехах и драгоценностях, однако именно ткань оказала важное влияние на построение и развитие человеческой цивилизации. Автор начинает с глубокой античности: одомашнивания овцы, минойцев с их сюжетом о путеводной нити, критского письма с изображением ткацкого станка. Потом сообщает множество сведений из области археологии, социологии, искусства и истории, и в заключение делает весьма любопытные прогнозы на будущее текстильной промышленности, оперируя сведениями о новых разработках.

История цивилизации, пишет исследовательница, имеет накопительный характер: в основе нынешней всегда лежит предыдущая. История текстиля наглядно демонстрирует этот накопительный характер, мы буквально можем наблюдать, как цивилизации вплетались одна в другую. Это каса-

ется и базы накопленных знаний и навыков, и технологий, и даже орнаментов. Цивилизация во многом связана с технологией выживания — и тут ткани играют далеко не последнюю роль, потому что они и обеспечивают защиту от сил природы (а порой и врага), и украшают, то есть развивают эстетическое чувство. Поэтому история ткани — это неожиданная, но правдивая история человечества в целом.

«Конечно, хлопок, шелк, шерсть, лен и менее известные подобные им волокна имеют органическое происхождение, но так называемые натуральные волокна суть продукт усилий настолько долгих и нам привычных, что мы об этом забываем. Путь к готовой ткани начинается с трудной и долгой селекции растений и животных ради получения необычно большого количества волокна, пригодного для изготовления нитей. Эти генетически модифицированные организмы — технологические достижения, столь же оригинальные, сколь и машины, совершившие промышленную революцию. И они тоже привели к далеко идущим последствиям для экономики, политики и культуры».

ЖАУМЕ НАБРЕ, «И НАС ПОЖИРАЕТ ПЛАМЯ» («ИНОСТРАНКА»)

Роман самого известного каталонского писателя, автора «Я исповедуюсь», посвящен человеческим сознанию и памяти, а также тем реалиям, что их в конечном счете формируют. И это не только воспитание, образование и даже привычки. Но и мировая литература. Поэтому когда герой просыпается с полной амнезией, не помня о себе ровным счетом ничего, он начинает выстраивать мир вокруг себя заново, называя врачей Юрием Живаго и мадам Бовари, а себя нарекая Измаилом (но не сразу, до этого были другие литературные варианты). Вообще библейских имен и аллюзий в романе с избытком, как, впрочем, и литературных. Потому что Измаил — это не только сын Авраама, но и герой Мелвилла. Тенст Набре сплетается из множества претенстов, как сознание современного человека прошивается знакомыми образами, сюжетами, именами.

А еще это роман о навязываемом родителями детям чувстве вины и ответственности за «положенные на них жизни». Да, ты об этом не просил, но мы сделали, да, ты не делал выбор, но это не снимает с тебя ответственности за чужие страдания. Просто живи с чувством вины. Не твоей, но неотделимой от тебя.

«Доктор Живаго уселся на стул и пристально посмотрел на пациента. В этой тишине от этого взгляда Пятьдесят Седьмому стало настолько неловко, что он прервал молчание и произнес первое, что пришло ему в голову:

— А может быть, я Касторп?

Живаго внезапно вскочил, достал из кармана тетрадку и сказал, простите?

— Чего?

— Как вы себя назвали?

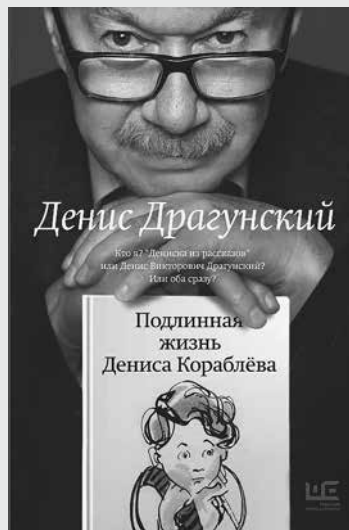
— Откуда я знаю. Касторп. У меня нога болит.

— Это нам уже известно. Вы должны запастись терпением. И поймите, что у вас все кости целы.

Живаго что-то записал в своей тетрадке и пододвинул стул к койке.

— Кто это такой?

— Вы о ком?

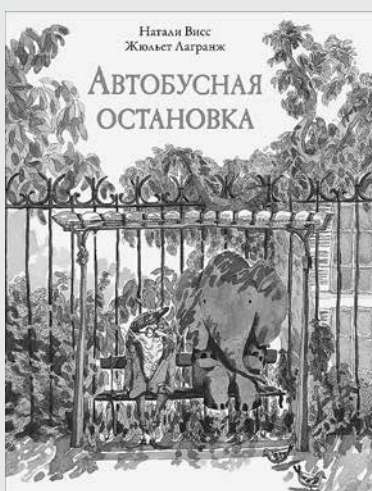
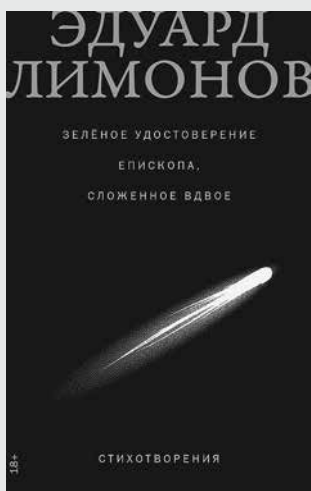

- О Каскорпе.
- Не так: о Касторпе.
- Кто это такой?
- Не знаю. Просто пришло в голову. Ганс».

ДЕНИС ДРАГУНСКИЙ, «ПОДЛИННАЯ ЖИЗНЬ ДЕНИСА КОРАБЛЕВА» («РЕДАКЦИЯ ЕЛЕНА ШУБИНОЙ»)

Если человек всю свою жизнь существует в двух реальностях — объективной, то есть той, в которой существует он, и сконструированной, которая выстраивается исходя из литературного произведения, в котором он фигурирует как герой, — в какой-то момент он задумается о том, можно ли эти реальности как-то разграничить? По сути, этому и посвящена новая книга известного писателя Дениса Драгунского, которого подавляющее большинство читателей отождествляет с Дениской Кораблевым. Эта книга — и мемуар, и аутотренинг (где же, в конце концов, я?), и литература. Автор не просто старается быть честным с читателем, он честен прежде всего с собой. В объемную книгу уместились истории из детства (и настоящего, и того, что в том или ином изводе попало в «Денискины рассказы»), рассказы о родителях и их друзьях, родственниках, школах и времени. Получилось увлекательно — и подробно. И тому же в конце читатель добирается вместе с рассказчиком только до 1972 года, и это, как обещает заключительная глава, конец только лишь первой части. А то значит, что нас ждет продолжение.

«В каком-то детском журнале мне задали вопрос: “Какие игрушки из вашего детства сильнее всего повлияли на вас?” Чего тут долго думать? Конечно, старый плюшевый мишка из рассказа “Друг детства” и тот самый

самосвал. Верность, доброта, сопереживание – и хрупкая живая красота в противовес холодной жестяной пользе. Как прекрасно.

На самом деле этих игрушек не было. Папа придумал и про светлячка, и про плюшевого мишку. Но придумал так, что я всей душой поверил, что они у меня были. Хотя знал, что их не было.

Поэтому мне иногда трудно провести границу между собой, то есть Денисом Драгунским, и Денисом Кораблевым, который тоже – я. Границу между выдуманной жизнью Дениса Драгунского и подлинной жизнью Дениса Кораблева».

ЭДУАРД ЛИМОНОВ, «ЗЕЛЕНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ ЕПИСКОПА, СЛОЖЕННОЕ ВДВОЕ» («АЛЬПИНА.ПРОЗА»)

О стихах писать трудно. О предсмертных — трудно вдвойне. Эдуард Лимонов, тяжело болеющий последние годы, все прекрасно понимал. И этой книгой прощался. Неслучайно, уже собрав ее, он сказал своему литературному секретарю Даниилу Духовскому (Дубшину), что книгой доволен, но просит ее не публиковать — пока. Лимонов говорит об этом и прямо: «Данила, сэр. Я решил ее не выпускать, слишком мрачная. А я еще живой. Забудем о ней. Меня не станет, ты напечатаешь. Сейчас не хочу. Твой Эл.» Эту и множество других цитат Духовской приводит в кратком, но очень важном послесловии. Здесь Лимонов предстает перед нами человеком, уже прошедшим свой путь и стоящим на пороге, но не спешащим этот порог переступить. Придет время — тогда. Пона жизнь, а дальше будет поэзия: «...тут много о смерти. Но я, как профессионал, подумал, что это может быть интересно другим читателям, ведь всем придется пройти через это».

*Из ботанических садов
Из грандиозных роц
Воспрянет бледен и багров
Палеоцентный хвоц
Дыханье мертвое земли
Поглотит корабли
И от блистательных кают
Все ручки отпадут...*

Таков был неповторимый Эдичка, поэт, прозаик и публицист Эдуард Лимонов, человек, который «честно видел мир вниз головой».

НАТАЛИ ВИСС, ЖЮЛЬЕТ ЛАГРАНЖ, «АВТОБУСНАЯ ОСТАНОВКА» («ПОЛЯНДРИЯ»)

Детская книжка с потрясающими, почти магнетическими иллюстрациями Жюльет Лагранж и минимальным, но трогательным текстом об одиночестве человека в центре большого города. Книга о том, что человек может каждый день находиться в толпе и оставаться невидимкой. О том, как важно научиться замечать, видеть, не быть равнодушным. О том, что как бы ни был самодостаточен человек, ему всегда нужен кто-то рядом. И не просто кто-то, а друг. Даже если этот друг на первый взгляд очень не похож на тебя.

СОФИ ГИЛМОР, «ПОТРЯСАЮЩЕ!» («ПОЛЯНДРИЯ»)

Когда компания друзей решила заняться чем-то совершенно потрясающим, возникла одна неожиданная проблема: оказывается, каждый понимает «потрясающе!» совершенно по-разному. Муравьед предпочитает лазать, черепаха — плавать, змея — обвиваться кольцами, сова — летать, мандрил — висеть вниз головой, барсук — копать. Но как же найти занятие, которое будет одинаково ПОТРЯСАЮЩИМ для всей этой компании? Книга о том, что все мы очень разные, с разными привычками, потребностями и интересами, но, когда мы вместе, важно уметь находить компромисс и радоваться сообща.

